Н. П. ОСТРОУМОВЪ.

Искандаръ Зуль-карнайнъ.

(Александръ Македонскій)

Сообщеніе,

читанное въ общемъ собраніи членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія торг. дома „Ф. и Г. Бр. Каменскіе".
1896.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Средне-Азіатскій Вѣстникъ“.
(Сентябрь 1896 года).

اسكندر ذو القرنين

Сынъ Македонскаго царя Филиппа, Александръ Великій [1]) пользуется въ исторіи столь громкою и широкою извѣстностью, что съ нимъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ европейскихъ и азіатскихъ великихъ завоевателей. „Быстрота соображенія, стратегическая проницательность, рѣшительность и увѣренность въ побѣдѣ соединялись въ немъ, какъ говоритъ историкъ Веберъ, съ личной храбростью и неутомимою дѣятельностью, таланты великаго полководца и правителя съ блестящей отвагой воина; его личность очаровываетъ возвышеннымъ энтузіазмомъ, благородною любовью къ знанію и окружена ореоломъ непрерывнаго счастія и молодости... Онъ былъ такимъ дивнымъ явленіемъ, величіе его было такъ ослѣпительно, что скоро исторія его жизни стала предметомъ легенды и поэзіи; вымыслы закрыли истинныя его очертанія; народная фантазія послѣдующихъ вѣковъ овладѣла его фигурою и прикрасила его подвиги поэтическими вымыслами. Въ его натурѣ лежала любовь къ приключеніямъ, располагавшая его считать близкимъ, легкимъ далекое, трудное; для него было заманчиво все необыкновенное, удивительное; онъ восхищался

[1]) Род. 21 іюля 356 г. до Р. Хр. въ Македонскомъ столичномъ городѣ Пеллѣ; умеръ въ Вавилонѣ 11 іюня 323 года.

міромъ гомеровскихъ героевъ, хотѣлъ воскресить этотъ міръ, перенести его изъ области поэзіи въ дѣйствительность. Онъ очаровывалъ своею молодостью; его недолгая жизнь[1]) была непрерывнымъ рядомъ отважныхъ предпріятій, геройскихъ подвиговъ; у него было врожденное влеченіе къ великимъ дѣламъ,—все это внушало и современникамъ, и потомкамъ изумленіе. Онъ пронесся быстро, какъ метеоръ, и тѣмъ ярче было сіяніе, которымъ окружило его воображеніе потомства"[2]). Авторъ „Культурной исторіи классической древности" Я. Фальке такъ характеризуетъ молодого Македонскаго царя: съ ничтожнымъ сравнительно войскомъ Александръ совершилъ дѣла, передъ которыми блѣднѣетъ все, что мы знаемъ изъ сказаній и баснословныхъ разсказовъ прежняго времени. Съ быстротою и съ ослѣпительнымъ блескомъ метеора Александръ проходитъ территорію, составлявшую тогдашній міръ, оставляя въ то же время глубокіе, неизгладимые слѣды своего краткосрочнаго пребыванія въ странѣ. Онъ обладалъ всѣми качествами героя въ такой степени, какъ едва ли кто-либо другой, всѣми качествами, необходимыми для выполненія тяжелой задачи, возложенной на него всемірною исторіей. Александръ бралъ съ собою въ походъ, говоритъ Плутархъ, то, что даетъ наибольшую надежду на успѣхъ: благочестіе по отношенію къ богамъ, честность, простоту, умѣренность, веселое расположеніе духа съ презрѣніемъ къ смерти, даръ слова и правдолюбіе, спокойную обдуманность и быстроту въ дѣйствіяхъ, славолюбіе и твердую волю въ исполненіи того, что онъ считалъ справедливымъ. Передъ началомъ сраженія онъ хладнокровно и обдуманно распредѣлялъ все, согласно составленному плану, принимая въ соображеніе даже качество почвы и силу или безсиліе врага. Потомъ онъ бросался впередъ съ невообразимыми энергіею и мужествомъ, съ неодолимою силою льва, во главѣ своихъ избранныхъ всадниковъ, на непріятеля, увлекалъ за собою своихъ солдатъ въ неустрашимомъ

[1]) 32 года и 8 мѣс.

[2]) Всеобщая исторія. Перев. Андреевъ. Москва, 1886 г. Т. III, стр. 233—234.

самозабвеніи и рѣшалъ судьбу битвы личною храбростью. Нужно ли было переходить рѣки, какъ бы послѣднія ни были широки и глубоки, или завладѣть городами и крѣпостями, какъ бы высоко они ни лежали и какъ бы неодолимы ни были ихъ стѣны, изобрѣтательный умъ Александра всегда находилъ средства и пути для преодоленія препятствій, стремясь какъ бы покорить себѣ теченіе и силу водъ, подняться на высоты и опрокинуть стѣны. На ряду съ изобрѣтательностью, въ Александрѣ была сила, выносливость въ борьбѣ съ трудностями и лишеніями. По страшнымъ безплоднымъ пустынямъ онъ шелъ вмѣстѣ съ своими солдатами, вмѣстѣ съ ними пересиливая голодъ и жажду; ласковымъ, ободряющимъ словомъ и своимъ примѣромъ онъ умѣлъ поддерживать унывающихъ, а ропщущихъ побуждать къ новымъ усиліямъ[1]). Такимъ рѣдкимъ въ людяхъ душевнымъ качествамъ Александра Македонскаго соотвѣтствовала и его наружность. Молодой красавецъ въ греческомъ смыслѣ, онъ, когда былъ спокоенъ, то очаровывалъ окружающихъ кроткимъ выраженіемъ своего лица, легкимъ румянцемъ на щекахъ, нѣжною томностью взгляда и тѣмъ даже, что голова его была немного наклонена влѣво; его рѣзкія движенія, отъ которыхъ развѣвались его волосы, его сверкающій взглядъ и сильный голосъ обличали въ немъ героя[2]).

Нужно ли удивляться, что Александръ оставилъ неизгладимую память по себѣ вездѣ, гдѣ былъ? Его имя сдѣлалось извѣстнымъ всему древнему міру. И у насъ, въ Средней Азіи, имя Александра Македонскаго сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе его походовъ отъ Бухары до Сыръ-Дарьи. Въ настоящее время не только грамотные наши туземцы, но и большинство неграмотныхъ знаютъ Македонскаго царя подъ именемъ Искандара Зуль-карнайна и разсказываютъ о немъ нѣкоторыя преданія, частью общія всему Востоку, частью же пріурочиваютъ къ данному мѣсту нѣкоторыя изъ этихъ преданій. Такъ, напримѣръ, у извѣстнаго мусульманскаго автора

[1]) Эллада и Римъ. Культурная исторія классической древности Якова Фальке. СПБ. изд. Суворина, стр. 40—41.

[2]) Такъ характеризуетъ Александра Македонскаго историкъ его жизни Дройзенъ.

Таляби разсказывается, что Зуль-карнайнъ при помощи друга своего, ангела Рафаила, узналъ, гдѣ находится источникъ вѣчной живой воды и отправился въ подземное мрачное царство, въ которомъ послѣ 24-лѣтняго странствованія достигъ чудеснаго источника, напился воды его, выкупался, совершилъ религіозное омовеніе и даже вымылъ тамъ свои запылившіяся одежды. Мѣстное (ташкентское) преданіе прибавляетъ къ этому, что Зуль-карнайнъ вышелъ изъ подземнаго своего странствованія на теперешнемъ Шайхантаурскомъ кладбищѣ и расплескалъ тамъ нѣсколько капель живой воды, которую вынесъ съ собою изъ-подъ земли. Отъ этихъ капель выросли деревья—*савръ* или *саръ*[1]), стволы которыхъ и до сихъ поръ, но уже безъ коры и листьевъ, стоятъ на Шайхантаурскомъ кладбищѣ и считаются неприкосновенными, священными. По другому преданію, къ нашей Голодной степи пріурочивается легендарный случай съ цирульникомъ Александра, о чемъ въ сочиненіи имама Сююти[2]) только кратко упомянуто и притомъ безъ опредѣленнаго указанія на мѣсто дѣйствія. Кромѣ того, въ Средней Азіи есть нѣсколько мѣстностей и урочищъ, соединяемыхъ съ именемъ Искандара, какъ напримѣръ: Искандаръ-куль, Искандаръ-сай, Искандаръ-кала, Искандаръ-манара, а мѣсто Александріи Эсхаты подлежитъ опредѣленію.

Ясно, что Александръ Македонскій оставилъ послѣ Туркестанскаго своего похода[3]) неизгладимую память въ туземномъ населеніи, а коранъ укрѣпилъ и освятилъ потомъ въ народѣ воспоминаніе о Зуль-карнайнѣ, какъ и вообще, при посредствѣ

---

[1]) Одинъ изъ видовъ туи. Всѣхъ стволовъ около 50. Главнымъ образомъ они сгруппированы близъ мазара. Подобныя же деревья находятся и въ Ходжентѣ, на одномъ изъ древнихъ кладбищъ. Можетъ быть, легенда объ этихъ деревьяхъ появилась первоначально въ Ходжентѣ, куда доходилъ Александръ Македонскій, а оттуда уже перенесена въ Ташкентъ.

[2]) كتاب اوايل

[3]) Районъ этого похода простирался отъ границъ древней Согдіаны (Бухара и Фергана) черезъ Самаркандъ, Джизакъ, Ура-Тюбе, до Сыръ-Дарьи близъ Ходжента и обратно черезъ Самаркандъ и Чарджуй до Мерва. (См. ст. проф. В. В. Григорьева, ст. М. Лютова «Александръ Великій въ Туркестанѣ» и брошюру Шварца „Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan“ Munchen, 1893).

религіознаго авторитета этой священной книги мусульманъ, имя Зуль-карнайна распространилось по всѣмъ странамъ міра, гдѣ утвердилось ученіе ислама. При этомъ невольно припоминается извѣстный историко-литературный фактъ, состоящій въ томъ, что не только отдѣльныя идеи, но и цѣлыя легенды переходятъ отъ одного народа къ другому, не встрѣчая препятствій ни во времени, ни въ пространствѣ, ни въ особенностяхъ религіи и національности, что повторилось и съ легендой объ Александрѣ Македонскомъ. Разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса я позволилъ себѣ предложить вниманію гг. членовъ нашего кружка на томъ основаніи, что, при изученіи древностей Средней Азіи, намъ часто приходится встрѣчаться съ именемъ Искандаръ Зуль-карнайна.

Имя Зуль-карнайна было занесено въ коранъ при слѣдующихъ историческихъ обстоятельствахъ. Іудеи, поселившіеся въ Аравіи еще до Р. Хр., оказывали Мухаммаду очень большое сопротивленіе въ его реформаторской дѣятельности и не одинъ разъ ставили его въ затруднительное положеніе своими хитропридуманными вопросами. Изъ кн. пророка Даніила они знали, что цари Мидійскій и Персидскій представлены подъ образомъ *двурогаго* овна, а подъ образомъ однорогаго козла представленъ царь Греческій, который поразилъ овна, сломалъ у него оба рога и растопталъ его[1]). Съ другой стороны они знали также, что Александръ Македонскій быстро завоевалъ Малую Азію, Финикію и Палестину, былъ въ Іерусалимѣ, приносилъ въ храмѣ іерусалимскомъ жертву Іеговѣ и очень былъ тронутъ прочитаннымъ ему пророчествомъ о немъ Даніила[2]). Аравійскимъ іудеямъ были извѣстны также разные легендарные разсказы о подвигахъ Александра Македонскаго, и они рѣшили задать основателю ислама

---

[1]) См. кн. пророка Даніила, гл. VIII, стихи 1—27.

[2]) Въ Библіи объ этомъ не говорится, и историкъ Шлоссеръ считаетъ вымысломъ позднѣйшихъ іудеевъ разсказъ о посѣщеніи Александромъ іерусалимскаго храма, такъ какъ историки походовъ Александра не дѣлаютъ даже намековъ на то, что онъ былъ въ Іерусалимѣ. Всемірная исторія (изд. 1868 г.) т. I, стр. 388.

въ числѣ другихъ замысловатыхъ вопросовъ и вопросъ о знаменитомъ царѣ-завоевателѣ, чтобы испытать историческія познанія арабскаго пророка.

Однажды они спросили Мухаммада: *„Кто былъ Зуль-карнайнъ?“* Мухаммадъ не отвѣтилъ іудеямъ прямо на вопросъ ихъ, а разсказалъ (отъ имени Божія) о путешествіи Зуль-карнайна къ мѣсту солнечнаго захода и восхода, а затѣмъ къ нѣкоему горному ущелью, въ которомъ жили Гогъ и Магогъ и были заперты тамъ Зуль-карнайномъ[1]); но толковники корана опредѣленно говорятъ, что подъ именемъ Зуль-карнайна разумѣется Искандаръ, царь Персіи и Рума, т. е. Греціи. Такъ, говоритъ объ этомъ Казы Байзави[2]).

---

[1]) Въ коранѣ (гл. 18, ст. 82—99) разсказъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Тебя спрашиваютъ о Зуль-карнайнѣ; скажи: я прочитаю вамъ повѣсть о немъ. Мы (Богъ) дали ему могущество на землѣ и доставили ему способъ ко всему. Богъ далъ ему способъ, покуда онъ не достигъ до запада солнца. Зуль-карнайнъ увидѣлъ, что оно западаетъ въ грязный источникъ. Близъ него онъ нашелъ народъ. Мы (Богъ) сказали: Зуль-карнайнъ! Либо накажи его, либо окажи ему добро! Зуль-карнайнъ сказалъ: кто дѣлаетъ зло, того мы накажемъ; и послѣ того, когда возвращенъ будетъ онъ ко Господу своему, Богъ накажетъ его жестокою казнью. Но кто увѣруетъ и будетъ дѣлать доброе, тому наградой будетъ рай. Мы скажемъ ему тѣ изъ нашихъ повелѣній, которыя легки. Послѣ того Богъ далъ Зуль-карнайну способъ идти, покуда онъ не достигъ до восхода солнца. Зуль-карнайнъ увидѣлъ, что оно восходитъ надъ однимъ народомъ, которому Мы (Богъ) не дали никакого покрова въ защиту отъ зноя. Такъ это было.

„Мы (Богъ) даемъ теперь свѣдѣніе о томъ, что было съ Зуль-карнайномъ. Послѣ того Богъ далъ ему способъ идти, покуда онъ не достигъ горнаго ущелья. Зуль-карнайнъ увидѣлъ, что тамъ былъ народъ, едва понимавшій какую-либо рѣчь. Этотъ народъ сказалъ: Зуль-карнайнъ! Яджуджъ и Маджуджъ причиняютъ бѣды на этой землѣ; не представить ли намъ какую-нибудь плату тебѣ, чтобы ты поставилъ стѣну между нами и ими. Зуль-карнайнъ сказалъ: „могущество, какое далъ мнѣ Господь мой, есть наилучшая для меня плата; вы же только ревностно помогайте мнѣ: я поставлю преграду между вами и ими. Носите ко мнѣ столько кусковъ желѣза, чтобы ими заравнять промежутокъ между скатами этихъ горъ“. Потомъ онъ сказалъ: „раздувайте (огонь) такъ, чтобы желѣзо сдѣлалось раскаленнымъ и несите ко мнѣ расплавленной мѣди и лейте на него“. Яджуджъ и Маджуджъ не могли взлѣзть на стѣну и не могли пробить ее. Зуль-карнайнъ сказалъ: „это—милость Господа моего. Когда наступитъ предвозвѣщенное Господомъ моимъ, тогда онъ измельчитъ ее въ щебень. Предвозвѣщенное Господомъ моимъ сбудется вѣрно. Въ тотъ день мы выпустимъ ихъ однихъ за другими волною, и когда прозвучитъ труба, мы столпимъ ихъ толпою“.

[2]) См. толков. на гл. XVIII Корана, ст. 82.

Тоже утверждаетъ и позднѣйшій мусульманскій историкъ Табари[1]). Въ наиболѣе уважаемомъ мусульманскомъ толкованіи на коранъ „Рухуль-баянъ“, въ объясненіе названія „Зуль-карнайнъ“, приводятся разныя соображенія, именно:

1) Искандаръ во время своей жизни доходилъ до двухъ роговъ солнца, т. е. до восхода и до запада, былъ царемъ Востока и Запада и получилъ поэтому названіе *„двурогаго“*[2]), какъ Ардаширъ[3]) имѣлъ прозваніе „долгорукаго“ потому, что у него всякія рѣшенія быстро приводились въ исполненіе, какъ бы при помощи двухъ длинныхъ рукъ.

2) Когда Зуль-карнайнъ призывалъ своихъ подданныхъ къ истинной вѣрѣ, то голова его склонилась въ правую сторону и онъ умеръ было, но ожилъ по повелѣнію Божію, а когда снова сталъ приглашать народъ свой къ вѣрѣ, то голова его склонилась въ лѣвую сторону, и онъ снова умеръ и снова, по милости Божіей, ожилъ. Въ воспоминаніе этихъ двухъ случаевъ, онъ и названъ *„двурогимъ“*. Такъ и Алія называютъ „двурогимъ“, потому что у него на головѣ были двѣ раны: одну рану нанесъ ему Умаръ Ибнъ-Ваддъ, а другую—Ибнъ Мульджамъ (Камусъ).

3) Зуль-карнайнъ во снѣ приблизился къ солнцу и схватилъ его за два рога, т. е. за два края—востокъ и западъ,—и, когда разсказалъ объ этомъ снѣ своему народу, получилъ прозваніе „двурогаго“ (Касасуль-анбія).

4) Во время его жизни смѣнились два поколѣнія (полагая на каждое 36 лѣтъ).

5) У него на коронѣ были два рога[4]).

---

[1]) Абу-Джагфаръ Мухаммадъ Табари (838—922) написалъ всеобщую исторію, которую довелъ до 914 г. по Р. Хр. Араб. текстъ этой исторіи переведенъ на персидскій и турецкій языки, а также и на латинскій языкъ.

[2]) Киргизы Акжарской волости говорятъ, что Искандаръ былъ владѣтелемъ двухъ міровъ земного и подземнаго (см. сообщ. г. Диваева въ общемъ собраніи членовъ Туркест. археол. кружка, 26 августа 1896 г.).

[3]) Ардаширъ, основатель династіи Сассанидовъ.

[4]) Туркестанскіе киргизы представляютъ Искандара носившимъ на своей головѣ золотое изображеніе двурогой луны.

6) Онъ сражался руками и стременами.

7) Онъ совмѣщалъ въ себѣ знанія реальныя и мистическія.

8) У него на головѣ съ обѣихъ сторонъ были навернуты двѣ косы на подобіе роговъ.

9) Зуль-карнайнъ первый сталъ носить чалму на головѣ потому, что у него на головѣ были два рога, которые были похожи на два завитка волосъ. Искандаръ и прикрывалъ свои рожки чалмой, чтобы не показывать ихъ народу. Однажды онъ пошелъ въ баню съ своимъ мирзой-цирульникомъ и сказалъ ему, что объ этихъ рогахъ не знаетъ никто и что если онъ, царь, услышитъ объ этомъ хоть отъ одного человѣка, то убьетъ мирзу. Испуганный этой угрозой мирза вышелъ изъ бани безъ памяти, какъ мертвецъ, ушелъ въ степь и тамъ, наклонившись къ землѣ, крикнулъ: „У царя на головѣ два рога". На этомъ мѣстѣ выросли потомъ двѣ камышинки. Однажды проходилъ пастухъ мимо этого мѣста и сдѣлалъ изъ этихъ камышинокъ двѣ дудочки, а когда заигралъ въ нихъ, изъ дудочекъ вышелъ звукъ: „У царя на головѣ два рога"... И повсюду распространилась молва объ этомъ (Имамъ Сююти[1]).

Въ газетѣ „Каспій" напечатана цѣлая легенда на эту тему. По легендѣ, Александръ Македонскій имѣлъ на обоихъ вискахъ два роговидные отростка и потому никогда не снималъ при людяхъ съ своей головы высокой шапки, которою прикрывалъ свои рога. А цирульниковъ, которые брили ему голову[2]), онъ убивалъ, чтобы они не выдали его уродливости. Однажды царь призвалъ молодого цирульника и сказалъ ему: „Какъ только ты кончишь брить меня,

[1]) Нѣкоторые толковники корана высказываютъ также мнѣніе, что было два Зуль-карнайна: одинъ былъ современникомъ Авраама и прожилъ 1600 лѣтъ, а другой—завоеватель Персіи, умершій почти за триста лѣтъ до Р. Хр. Визиремъ у него былъ Аристотель. Упоминаемый въ коранѣ Зуль-карнайнъ былъ современникомъ Авраама. У Пококка въ его „Specimen historiae arabum, p. 59, упоминается царь Іемена Зуль-карнайнъ. Между тѣмъ исторія не знаетъ другого Александра, завоевателя Востока и Запада, кромѣ Александра Македонскаго, умершаго въ 323 г. до Р. Хр.

[2]) Кавказская легенда представляетъ Александра Македонскаго мусульманиномъ, брившимъ себѣ голову.

я убью тебя, потому что, если ты останешься въ живыхъ, то можешь разсказать кому-нибудь о моемъ уродствѣ". Услышавъ такую угрозу, цирульникъ сталъ упрашивать Александра, упавъ къ ногамъ его: „Умоляю тебя... о, великій государь, не убивай меня! Пощади, сжалься надъ моею молодостью!.. Клянусь твоею священною головой,—я сохраню твою тайну, какъ святыню, на днѣ души моей до гроба!"... Мольбы цирульника тронули Александра, и жизнь ему была оставлена, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ, въ случаѣ нарушенія даннаго слова, будетъ казненъ[1]). Цирульникъ долго хранилъ эту тайну, но до конца не могъ сдержать своего обѣщанія... Боясь проговориться, онъ обратился съ просьбой къ одному святому старцу: „Помоги моему горю, святой отецъ: я имѣю тайну, которую долженъ высказать кому-нибудь, чувствуя непонятную потребность въ этомъ, но не могу, ибо я наложилъ на себя обѣтъ молчанія; скажи, что могу сдѣлать я, чтобы успокоиться, *не говоря о тайнѣ,* причиняющей мнѣ страшную муку?" На это старецъ сказалъ ему: „Найди на полѣ старый (безъ воды) колодецъ и открой ему тайну; тогда ты успокоишься". Цирульникъ такъ и сдѣлалъ: долго онъ бродилъ по степи, на онецъ, нашелъ заброшенный колодезь, въ который наклонилъ голову и произнесъ три раза: „У царя Александра есть рога на головѣ". И дѣйствительно, едва цирульникъ вымолвилъ это, какъ почувствовалъ облегченіе... Въ слѣдующую весну въ пустынномъ колодцѣ выросъ тростникъ. Пастухъ, не далеко отъ этого колодца пасшій овецъ, срѣзалъ тростинку и сдѣлалъ дудочку, но она насвистывала только о томъ, что у царя Александра есть рога на головѣ.

[1]) По мѣстной (Туркестанской) легендѣ, цирульникъ хитростію спасъ себя отъ неминуемой смерти. *Мать цирульника, когда пришла очередь ея сыну идти къ царю,* замѣсила тѣсто на молокѣ своей груди, испекла небольшую лепешку и дала ее сыну съ совѣтомъ предложить царю Александру откушать, прежде чѣмъ приступить къ бритью его головы. Царь откушалъ лепешки и, когда цирульникъ окончилъ свое дѣло, сказалъ ему, что онъ долженъ умереть. Тогда цирульникъ заявилъ, что грѣшно царю убивать своего молочнаго брата... Царь въ недоумѣніи спросилъ цирульника, на чемъ онъ основываетъ свое родство, а цирульникъ сказалъ, что лепешка, которую царь кушалъ, была затѣяна на молокѣ матери его. И царь отпустилъ цирульника съ строгимъ наказомъ не разглашать тайны. (Подлинная легенда записана М. Ст. Андреевымъ).

Царь Александръ проѣзжалъ однажды со своею свитой на охоту по степи, гдѣ этотъ пастухъ пасъ овецъ и услышалъ, какъ пастухъ, играя на тростниковой дудочкѣ, насвистывалъ одно и тоже: „У царя Александра есть рога на головѣ“. Тогда царь подозвалъ къ себѣ пастуха и спросилъ: „почему ты насвистываешь, что у меня на головѣ есть рога?“ — „Не я напѣваю это, Государь, а сама дудочка“, — отвѣтилъ ему пастухъ. Великій царь, чтобы провѣрить слова пастуха, приказалъ передать дудочку своему визирю и, убѣдившись въ справедливости словъ пастуха, отпустилъ его. Возвратившись домой, Александръ позвалъ къ себѣ своего цирульника и потребовалъ объясненія, а тотъ чистосердечно разсказалъ царю, какъ было дѣло. Царь, удовлетворенный чистосердечнымъ признаніемъ цирульника, сказалъ ему: „Нѣтъ тайны, которая не сдѣлалась бы явною... Иди, — ты свободенъ“ [1]).

Очень не трудно замѣтить, что приведенная легенда весьма близко напоминаетъ древній классическій миѳъ о Фригійскомъ царѣ Мидасѣ, записанный Овидіемъ [2]). По этому миѳу, царь Мидасъ сначала выпросилъ себѣ у бога Вакха силу обращать въ золото все, къ чему онъ, Мидасъ, прикоснется рукой. Но даже пища и питье, до которыхъ касался царь Мидасъ, превращались въ золото и золотую жидкость, — и царь голодалъ. Тогда онъ раскаялся въ своемъ безумномъ желаніи, очистился отъ грѣха въ рѣкѣ Пактолѣ, возненавидѣлъ богатство и сталъ жить просто и умѣренно. Часто послѣ того царь бродилъ по лѣсамъ и лугамъ и сталъ ревностнымъ чтителемъ бога лѣсовъ и полей, Пана. Но такъ какъ и прежде Мидасъ не далекъ былъ разумомъ, то и еще разъ, благодаря своему неразумью, получилъ отъ бога непріятный подарокъ, съ которымъ не разлучался уже до самой смерти. Однажды богъ Панъ, разыгрывавшій передъ нимфами свои веселыя пѣсни, дерзнулъ состязаться въ музыкѣ съ Аполлономъ. Тмолъ,

[1]) См. Москов. Вѣдом. отъ 18 сентября 1893 г. № 257. Варіантъ этой легенды составитель «Путеводителя по Средней Азіи отъ Баку до Ташкента въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ» (Ташкентъ, 1893 г.) г. Эварницкій слышалъ въ Голодной степи и помѣстилъ въ своемъ «Путеводителѣ» на стр. 143—145.

[2]) См. Methamorph. XI, 8—139.

богъ горы, избранный обоими соперниками судьею, сѣлъ на своемъ почетномъ мѣстѣ, и вокругъ него собрались нимфы и другія божества той мѣстности, а также и царь Мидасъ. Началъ богъ Панъ играть на своей флейтѣ, и Мидасъ съ наслажденіемъ внималъ его варварскимъ звукамъ. Потомъ выступилъ соперникъ Пана, богъ Аполлонъ, увѣнчанный парнасскимъ лавромъ. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ блиставшую слоновой костью и драгоцѣнными камнями четырехъструнную киѳару, а въ правой — плектронъ [1]). Искусною рукою такъ дивно забряцалъ Аполлонъ по струнамъ своей киѳары, что Тмолъ, очарованный сладкими ея звуками, не задумался провозгласить за нимъ побѣду, и всѣ слушатели и слушательницы согласились съ этимъ приговоромъ. Одинъ Мидасъ не одобрилъ судью и назвалъ его несправедливымъ. Разгнѣвался богъ Аполлонъ на неразумное слово царя и не хотѣлъ онъ допустить, чтобъ глупыя уши Мидаса имѣли видъ ушей человѣка. Поэтому, Аполлонъ вытянулъ уши Мидаса, покрылъ ихъ сѣрою шерстью, далъ имъ гибкость и удобоподвижность, — и навсегда на человѣчьемъ тѣлѣ Мидаса остались ослиныя уши. Устыдился царь Мидасъ новаго своего украшенія и бережно прикрылъ свои длинныя уши пурпурною чалмою. Лишь отъ одного слуги своего, стригшаго ему волосы и бороду, не могъ онъ скрыть своего уродства; но и этому слугѣ строго запретилъ царь разглашать тайну. Однако болтливый брадобрѣй не могъ сохранить эту тяжелую тайну и, не осмѣливаясь сообщить ее людямъ, удалился онъ къ сосѣдней рѣкѣ, выкопалъ въ землѣ ямку, шепнулъ въ нее: „У царя Мидаса ослиныя уши“, и снова бережно зарылъ ту ямку. Немного прошло времени, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена была тайна царя Мидаса, разросся густой камышъ, и при каждомъ дуновеніи вѣтра одна тростинка шептала другой: „У царя Мидаса ослиныя уши“. Такъ и люди узнали про тайну цареву [2]).

[1]) Такъ называлась палочка, которою ударяли по струнамъ.

[2]) См. Миѳы классической древности Г. В. Штоля. перев. съ нѣмецкаго т. I. Москва, 1865 г. стр. 277—279.

Толковники Корана и другіе мусульманскіе авторы не были знакомы съ сочиненіями древнихъ греческихъ историковъ, писавшихъ объ Александрѣ Македонскомъ, и потому не могли разобраться во всѣхъ подробностяхъ древней легенды о двурогомъ царѣ, которая обошла весь древній міръ, осложнялась и видоизмѣнялась подъ разными вліяніями и, наконецъ, чрезъ евреевъ александрійскихъ достигла Аравіи ко времени появленія тамъ ислама и дала современнымъ Мухаммаду аравійскимъ іудеямъ тему для замысловатаго вопроса: „Кто былъ Зуль-карнайнъ?“.

Между тѣмъ только на основаніи сочиненій Геродота, Арріана, Курція, Діодора, Страбона, Плутарха, Павзанія, Прокопія, Юстина, Атенея и др. можно выяснить, что названіе Александра Македонскаго „двурогимъ“ находится въ связи съ путешествіемъ его въ Ливійскій оазисъ къ древнему храму Амона. На эту именно связь указывали уже нѣкоторые европейскіе изслѣдователи исторіи ислама, но не разъяснили дѣла. Такъ, напримѣръ, А. Шпренгеръ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „Das Leben und die Lehre des Mohammad“ [1]), упомянувъ объ этой связи, прибавляетъ, что выраженіе „двурогій“ ранѣе прилагалось іудеями, на основаніи пророчества Даніила[2]), къ Киру, Персидскому царю, потому что, онъ владѣлъ Мидіей и Персіей[3]). Наше объясненіе происхожденія названія Александра Македонскаго „двурогимъ“ можетъ быть изложено болѣе подробно.

Гомеръ и Гезіодъ не знали бога Амона, имя котораго въ первый разъ упоминается у Пиндара, а затѣмъ у Геродота[4]). Изъ сообщенія Геродота видно также, что греки изображали иногда

[1]) Томъ II, стр. 475. Примѣчаніе 2. См. въ нашемъ сочиненіи: «Критическій разборъ Мухаммеданскаго ученія о пророкахъ». Казань, 1874 г., стр. 48 (прилож.).

[2]) Объ этомъ пророчествѣ сказано выше, на стр. 31.

[3]) Вѣрнѣе—потому, что въ кн. Даніила (гл. VIII, ст. 3 и 20) упоминается овенъ съ двумя рогами, подъ которымъ подразумѣвались царя Мидійскій и Персидскій.

[4]) См. ст. директора Кіево-Печерской гимназіи В. И. Петра: «Матеріалы для исторіи культа Амона (Аммона) у древнихъ». (Приложеніе къ отчету о состояніи гимназіи за 189$\frac{4}{5}$ уч. годъ). Въ этой статьѣ приведены подлинныя выраженія древнихъ авторовъ, касающіяся египетскаго культа Амона.

своего Зевса съ бараньими рогами, загнутыми внизъ, позади ушей, что объясняется позднѣйшимъ вліяніемъ на вѣрованія грековъ египетскаго культа въ честь божества Амона, котораго египтяне представляли или съ человѣческою головою и бараньими рогами, или же прямо съ бараньей головою[1]).

Амонъ первоначально былъ только мѣстнымъ божествомъ египетскихъ Ѳивъ и окрестностей; но когда Ѳивы получили значеніе главнаго города страны, то и Амонъ сдѣлался верховнымъ божествомъ Египта и назывался *Амонъ-ра,* т. е. божествомъ солнца“. Какъ богъ солнца, Амонъ-ра считался богомъ плодородія и изображался или съ бараньей головой, или же въ видѣ барана. Поэтому, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, египтяне считали барановъ священными животными и не убивали ихъ. Изъ Ѳивъ, какъ главнаго центра, культъ Амона распространился на западъ, въ оазисы Ливійской пустыни, и въ одномъ изъ нихъ, извѣстномъ подъ именемъ Сива, во время царя Тараки (692—664 г. до Р. Х.) былъ построенъ храмъ въ честь Амона. Изъ описаній этого оазиса[2]) видно, что въ храмѣ Амона божество объявляло свою волю не словами, а знаками, которые разъясняли жрецы. На найденныхъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій живописныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ Карнакскаго храма, Амонъ представляется рогатымъ[3]).

Къ Амону, отожествляемому съ Зевсомъ, по древнимъ сказаніямъ, во всѣ времена обращались за совѣтомъ великіе люди, преимущественно греки, какъ напримѣръ: Персей и Гераклъ[4]), а также царица Семирамида, египетскій царь Бокхорисъ, Крезъ, царь Лидійскій, затѣмъ полководцы Кимонъ, Алкивіадъ и Лизандръ.

[1]) Ср. Шлоссеръ, Всемірная исторія (изд. 2-е, 1868 г.) т. I, стр. 29. Веберъ, Всеобщая исторія (изд. 1885 г.) т. I, стр. 150.

[2]) Diodor XVII, 50; Курцій IV, 7, 31 (въ ст. г. Петра).

[3]) См. въ концѣ статьи рисунокъ № 1.

[4]) По греческой миѳологіи, Гераклъ и Персей считаются сыновьями Зевса. Мать Геракла Алкмена и вотчимъ Амфитріонъ были внуками Персея, а Персей былъ сынъ Данаи, дочери Аргивскаго царя Акризія, родившей сына Персея въ подземныхъ покояхъ куда Зевсъ проникъ въ видѣ золотого дождя. См. Миѳы клас. древности Штоля.

О посѣщеніи Амона Геракломъ Геродотъ разсказываетъ такъ: „Однажды Гераклу сильно захотѣлось посмотрѣть на Зевса, а Зевсъ вовсе не желалъ, чтобы тотъ видѣлъ его; наконецъ, такъ какъ Гераклъ продолжалъ настаивать, Зевсъ схитрилъ: онъ снялъ руно съ барана, покрылъ имъ себя, а отрѣзанную голову барана держалъ передъ лицемъ и въ такомъ видѣ показался Гераклу. Съ этого времени египтяне изображаютъ Зевса съ головою барана и называютъ его Амономъ. Ѳивяне не приносятъ барановъ въ жертву по той же причинѣ: бараны у нихъ считаются священными животными. Только разъ въ годъ, въ праздникъ Зевса, они убиваютъ одного барана, снимаютъ съ него руно, надѣваютъ его точно такъ же, какъ надѣваетъ на себя божество на изображеніи Зевса, и потомъ подносятъ къ нему другое изображеніе, Геракла. Устроивши это, всѣ присутствующіе у храма плачутъ по барану и за симъ хоронятъ его въ священной гробницѣ“ [1]).

Около 200 лѣтъ до Александра Македонскаго, Персидскій царь Камбизъ хотѣлъ покорить оазисъ Сива, но этотъ дерзкій походъ не удался: отрядъ Камбиза заблудился въ пустынѣ и погибъ до послѣдняго человѣка, а самъ Камбизъ отправился съ остальнымъ войскомъ въ Эѳіопію [2]).

Александръ Македонскій также считалъ себя сыномъ Зевса. Юстинъ и Плутархъ разсказываютъ, что мать Александра Олимпіада, жена Македонскаго царя Филиппа, сама будто бы созналась мужу своему, что родила Александра не отъ него, Филиппа, а отъ большаго дракона [3]), и когда отпускала сына въ походъ, сообщила ему тайну его рожденія и внушала ему гордиться своимъ происхожденіемъ. Поэтому Александръ, послѣ сраженія при Иссѣ (въ ноябрѣ 333 г. до Р. Хр.), овладѣвъ Тиромъ и Газою, направился въ Египетскій оазисъ и былъ счастливѣе Камбиза: когда

[1]) Геродотъ, Исторія въ девяти книгахъ. Перев. съ греч. Ѳ. Мищенка. Т. I, кн. II, 42, стр. 136 (Москва, 1885 г).

[2]) Шлоссеръ, Всемірная исторія, т. I, стр. 38.

[3]) Изображеніе змѣи считалось однимъ изъ атрибутовъ божества Амона; змѣи были посвящены ему [Геродотъ II, 74 въ ст. г. Петра].

всѣ его воины доведены были до крайняго изнеможенія, когда всеобщій ужасъ передъ вѣрною гибелью дошелъ до своего апогея, разразилась гроза и, что составляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе въ Африканской степи, пошелъ обильный проливной дождь, который освѣжилъ все и спасъ погибавшее войско Александра. Александръ былъ съ радостью встрѣченъ жителями этой страны, измученной продолжительнымъ персидскимъ игомъ [1]).

Страбонъ [2]) со словъ Каллисѳена разсказываетъ, что Александра побуждали къ походу въ оазисъ Сива, къ Амонову оракулу, не только жажда славы, такъ какъ онъ зналъ о неудавшемся походѣ Камбиза и о путешествіяхъ Персея и Геракла, но и желаніе узнать отъ знаменитаго оракула свою будущую судьбу и увѣриться въ своемъ происхожденіи. Когда Александръ прибылъ въ оазисъ, то главный жрецъ Амона дозволилъ ему войти въ храмъ въ обыкновенной одеждѣ, а оракулъ ясно высказалъ при этомъ, что Александръ—сынъ Зевса.

По словамъ Оросія [3]), Александръ, когда прибылъ къ храму Амона, то предварительно самъ лично переговаривалъ съ жрецами относительно отвѣтовъ, какіе они должны были давать ему при торжественномъ вступленіи его въ храмъ главнаго египетскаго божества. Поэтому, когда Александръ вошелъ въ храмъ, то главный жрецъ привѣтствовалъ его, какъ сына бога Амона и предсказалъ ему владычество надъ всѣмъ міромъ и непобѣдимость до смерти. Когда же Александръ спросилъ, не избѣжалъ ли кто-либо изъ убійцъ его отца заслуженной кары, то жрецъ отвѣтилъ, что у Александра нѣтъ смертнаго отца и что убійцы Филиппа всѣ погибли. Въ храмъ входилъ одинъ Александръ и выслушалъ отвѣтъ бога изъ устъ жреца, тогда какъ спутники Александра оставались внѣ храма и должны были довольствоваться тѣмъ, чѣмъ Александръ захотѣлъ съ ними подѣлиться.

[1]) Я. Фальке. Эллада и Римъ.

[2]) Географія, кн. 17, гл. I, 43. О происхожденіи Александра отъ Зевса слышали послы Милетянъ; о знатномъ происхожденіи его говорила и Еритрейская Аѳенаида.

[3]) Hist. III, 16 (ст. г. Петра).

Въ письмѣ къ своей матери Александръ обѣщалъ передать ей секретныя сообщенія оракула при личномъ свиданіи[1]). Стоя предъ храмомъ Амона, спутники Александра получили разрѣшеніе вопросить оракулъ, и на вопросъ: *должны ли они воздавать царю божескія почести?* получили *утвердительный* отвѣтъ. Послѣ того Александръ сдѣлалъ богатыя приношенія богу Амону и жрецамъ и отправился въ обратный путь.

По поводу отвѣта Амонова жреца Александру, Плутархъ разсказываетъ (XXVII, 30), что жрецъ, обращаясь къ Александру, желалъ показаться наиболѣе любезнымъ и потому выразился на греческомъ языкѣ, но по незнанію этого языка, вмѣсто *о пайдіонъ* т. е. о, чадо! сказалъ: *о пайдіосъ!* Жрецъ ошибся въ послѣднемъ слогѣ, въ окончаніи слова; но Александръ, воспользовался ошибкою жреца и истолковалъ ее въ свою пользу въ смыслѣ: *о пай Діосъ* т. е. *о, сынъ Зевса!*

Послѣ путешествія къ храму Амона Александръ не разъ ссылался на свое божеское происхожденіе для оправданія своихъ поступковъ. Арріанъ (Anab. IV, 9, 9) удостовѣряетъ, что Александръ не прочь былъ принимать и божескія почести, воображая себя дѣйствительно сыномъ Амона, а не Филиппа. Горгъ украсилъ Александра, какъ сына Амона, вѣнкомъ въ три тысячи золотыхъ, а самъ Александръ во время пировъ надѣвалъ на себя плащъ Амона, обувь и рога его, какъ богъ. Курцій разсказываетъ, что когда противъ Александра составился заговоръ, то онъ счелъ виновникомъ въ этомъ Филота, Парменіонова сына, такъ какъ Филотъ, когда узналъ, что Александръ провозгласилъ себя сыномъ Амона, то хотя и поздравилъ царя съ такою честью, но въ тоже время выразилъ сомнѣніе относительно благополучія подданныхъ сверхъестественнаго существа. Филотъ, защищая себя, сказалъ, что онъ дѣйствительно выражалъ такое сомнѣніе, но не изъ зависти къ царю, а изъ страха за него, такъ какъ ему,

[1]) Вѣроятно, эти сообщенія касались его рожденія, о чемъ царица Олимпіада говорила сыну предъ походомъ его въ Египетъ.

Филоту, казалось болѣе достойнымъ Александра—не хвастаться, а молча считать себя потомкомъ Амона. И Филотъ просилъ Александра послать кого-либо къ Амону, который изъ любви къ своему сыну долженъ открыть настоящихъ заговорщиковъ... Но Филотъ былъ казненъ. Въ увѣренности относительно божескаго происхожденія Александръ написалъ Аѳинянамъ, что онъ *теперь* не далъ бы имъ острова Самоса, который они получили отъ прежняго царя Филиппа, *называвшаго себя отцомъ его (Александра).*—Однажды, во время пира Александра, ударъ молніи напугалъ пировавшихъ съ нимъ, и софистъ Анаксархъ спросилъ Александра: отчего же не гремитъ и сынъ Зевса, т. е. Александръ? Александръ отвѣтилъ, что онъ не хочетъ казаться страшнымъ для своихъ друзей (Plut. XXVIII, 25). По словамъ Курція, Александръ до послѣдней минуты своей жизни не переставалъ считать себя сыномъ Амона и, умирая, приказалъ отправить свой трупъ къ Амону (Curt. X, 5, 14). Исполненіе этого завѣщанія поручено было Аридэю, но трупъ царя былъ задержанъ Птолемеемъ Лагу въ Мемфисѣ и погребенъ въ Александріи въ великолѣпномъ склепѣ. При этомъ заслуживаетъ вниманія извѣстіе византійца Прокопія о томъ, что въ Авгилахъ (на югъ отъ Кирены), считавшихся также мѣстопребываніемъ Амона, до временъ Юстиніана приносились жертвы не только Амону, но и его сыну Александру Македонскому[1]).

По поводу божескихъ почестей, воздававшихся Александру и принимавшихся имъ послѣ его похода въ Ливійскую пустыню къ Юпитеру Амону, историкъ Шлоссеръ замѣчаетъ, что Александръ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ придавалъ большое значеніе предзнаменованіямъ, оракуламъ и чудесамъ, видя въ нихъ дѣйствительное средство привязать къ себѣ сердца суевѣрнаго народа. Желая впослѣдствіи устроить церемоніалъ своего двора, какъ слѣдовало обладателю Азіи по восточнымъ понятіямъ и

[1]) См. статью г. Петра. «Матеріалы для исторіи культа Амона (Аммона)» Кіевъ. 1895 г., стр. 1—56.

обычаямъ, Александръ воспользовался амонскимъ оракуломъ, чтобы мало-по-малу приготовить свой народъ къ этой перемѣнѣ. Онъ позволилъ верховному жрецу этого божества назвать себя сыномъ Юпитера. Старые полководцы Александрова отца, сначала только смѣявшіеся надъ этимъ титуломъ, впослѣдствіи, когда обнаружились намѣренія Александра, стали громко выражать свое негодованіе. По мнѣнію историка, Александръ пользовался своимъ мнимымъ божественнымъ происхожденіемъ, на которое съ тѣхъ поръ онъ всегда изъявлялъ притязаніе, просто какъ мудрый политикъ, понимавшій, что этимъ онъ могъ всего легче держать въ повиновеніи жителей востока. Только позднѣе этотъ великій человѣкъ, также подавленный избыткомъ счастья, сталъ злоупотреблять своимъ титуломъ полубога и находилъ удовольствіе въ пустомъ блескѣ мнимаго сверхъестественнаго величія. Онъ самъ вѣрилъ въ невидимый, высшій порядокъ вещей и придавалъ значеніе предзнаменованіямъ и изреченіямъ оракуловъ. Но еще чаще Александръ прибѣгалъ къ народному суевѣрію, какъ къ средству для достиженія такихъ цѣлей. По этому же самому побужденію, онъ позволилъ назвать себя сыномъ Юпитера Амонскаго, стараясь въ то же время связать греческія идеи о полубогахъ съ восточнымъ обыкновеніемъ смѣшивать все великое и могущественное съ представленіями о сверхъестественномъ и божественномъ[1]).

Историкъ Веберъ замѣчаетъ, что „желая возвысить величіе царскаго сана и находя необходимымъ ввести одинаковыя монархическія учрежденія во всей своей державѣ, Александръ, исполненный мысли о своемъ божественномъ призваніи, издалъ постановленіе, чтобы греческія государства воздавали ему божескія почести. Это было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ отнять у ослабѣвшихъ грековъ ихъ демократическія учрежденія, отжившія свое время, и сдѣлать Грецію областью великаго царства. Александръ хотѣлъ поставить грековъ въ такія же отношенія къ себѣ, въ какихъ были покоренные имъ народы Азіи. Онъ хотѣлъ,

[1]) Всемірная исторія. Т. I, стр. 389.

чтобъ и греки признавали его своимъ царемъ. Аѳиняне понимали, что требованіе божескихъ почестей имѣетъ этотъ смыслъ и хотя имъ не нравилось требованіе, налагавшее на нихъ печать формальнаго порабощенія, но самъ Демосѳенъ посовѣтовалъ народу не отказывать могущественнѣйшему царю въ исполненіи его желанія, и народъ согласился. Примѣръ аѳинянъ оказалъ рѣшительное вліяніе на остальную Грецію. Даже въ Спартѣ было принято постановленіе, высказанное въ лаконической формѣ: „если Александръ хочетъ быть богомъ, то пусть будетъ богомъ“. Сообразно этимъ рѣшеніямъ были отправлены въ Вавилонъ послы воздать почести новому божеству“[1]). По словамъ историка Іегера, посѣщеніе Александромъ Амонова храма служитъ доказательствомъ проницательности Александра и того умѣнья приспособляться къ воззрѣніямъ египтянъ, какими не обладали ни персы, ни вообще восточные завоеватели. Древнее святилище, воздвигнутое въ оазисѣ, окруженное густою рощею высокихъ деревьевъ, и самый оазисъ съ его селеніями, его крѣпкимъ замкомъ и священнымъ источникомъ,—давно уже были извѣстны грекамъ; мѣстнымъ жрецамъ, обитателямъ этого уединеннаго оазиса, не въ диковину были греки-путешественники, заглядывавшіе изрѣдка въ этотъ источникъ египетской мудрости. Понятно, что могущественнаго царя, побѣдителя ненавистныхъ персовъ, они встрѣтили съ величайшимъ торжествомъ, съ божескими почестями, какъ сына бога Амона; понятно, что они предсказали ему и господство надъ всѣмъ міромъ,—что было совершенно въ духѣ тѣхъ напыщенныхъ изъявленій покорности, которыми испещрены всѣ стѣны древнихъ зданій Египта. Несомнѣнно, что Александру очень по вкусу пришлись, по отношенію къ его новымъ восточнымъ подданнымъ, тѣ слухи, которые связаны были съ его посѣщеніемъ этого всемірно-извѣстнаго оракула: тамъ, гдѣ привыкли падать ницъ передъ монархомъ, какъ передъ божествомъ, подобные слухи все равно явились бы со временемъ, или даже готовы уже были явиться еще

[1]) Всеобщая исторія. Перев. Андреевъ. Москва, 1886 г. Томъ третій, стр. 231—232.

до вступленія Александра въ Египетъ. Но ни самъ онъ, ни его приближенные, не придавали значенія тѣмъ таинственнымъ откровеніямъ, которыя имъ пришлось услышать отъ жрецовъ Амонова храма; посѣщеніе этого храма Александромъ было очень ловкимъ выраженіемъ милостиваго вниманія его къ египетскому народу, и царь покинулъ страну совершенно успокоенной и удовлетворенной. Онъ предоставилъ управленіе Египтомъ вновь установленной имъ власти: македонянинъ завѣдывалъ военными силами, грекъ—финансами и египтянинъ—всѣмъ остальнымъ[1]).

Но какъ бы не объяснять стремленія и планы Александра въ его отношеніяхъ къ египетскому божеству Амону, для нашего вопроса важно знать, что онъ при жизни своей несомнѣнно надѣвалъ на свою голову рога Амона, выдавая себя за сына этого божества и что поэтому Птоломей I и Лизимахъ изображали на своихъ монетахъ голову Александра съ рогами, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ № 2-й, представляющемъ снимокъ съ монеты, хранящейся въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ. Подражая Александру, одинъ изъ его преемниковъ, Селевкъ, и себя самого изображалъ на монетахъ съ рогами, какъ это видно на рисункѣ подъ № 3.

Н. Остроумовъ.

[1]) Оскаръ Іегеръ. Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Томъ первый. Перев. П. Полевой. СПБ. стр. 232.

Три рисунка

къ ст. объ Александрѣ Македонскомъ.

1.

2.

3

Объясненіе рисунковъ.

№ 1. Изображеніе Амонова лица на Киренской монетѣ. (Прилож. къ ст. В. И. Петра).

№ 2. Изображеніе Александра Македонскаго на серебряной монетѣ, принадлежащей Берлинскому мюнцъ-кабинету. (Всеоб. исторія О. Іегера, т. I, стр. 251).

№ 3. Изображеніе на монетѣ Селевка (ст. В. И. Петра, стр. 15, прим.)